

*Н*а краю заброшенной пустоши, где редкие деревья тянули к серому небу высохшие ветви, а над мутными болотами стоял вечный туман, возвышался мрачный каменный замок. Ветер беспощадно хлестал тёмные бугристые стены, заросшие седым от времени мхом. Некогда довольно помпезное, а ныне обветшалое и окутанное паутиной владение принадлежало графу Зрински — одинокому, смурному старику, чьё морщинистое лицо походило на печёное яблоко.

Единственной живой душой рядом с графом был подслеповатый дворецкий Никола. Он же повар, он же приборщик, приказчик и даже прачка. Невиданная преданность почтенному семейству Зрински, словно броня, защищала верного домоправителя от ежедневного ворчания и ругани его господина. Сам же граф Зрински, казалось, уже позабыл, к какому славному семейству он принадлежит и какими заслугами были отмечены его предки, да и вряд ли задумывался о том, что на нём этот великий род угаснет. О последнем всё же иногда вспоминал. В минуты крайнего недовольства, сопровождавшегося приступами гнева, он громогласно обещал лишить наследства своих родичей-дармоедов. Озвучивал это граф неизменно в присутствии Николы — в надежде обрести зрителя, по достоинству способного оценить его устрашающий вид и весомость угроз. Деликатный дворецкий сочувственно молчал, стараясь в такие минуты смотреть куда угодно, только не на графа, теряясь от неловкости: ведь на деле у хозяина не было никого, кто претендовал бы на его общество и наследство. Выпалив враждебную тираду, последний Зрински и сам себе признавался, что отчаянно одинок и никому не интересен. Оттого злился ещё пуще и, внутренне протестуя, всё сильнее предавал забвению мир за чертой своих безжизненных владений. Да и знал ли он его когда-нибудь по-настоящему?

От природы застенчивому и мягкосердечному графу в детстве приходилось много учиться, дабы не посрамить знатную фамилию и оправдать возложенные на него ожидания. В юности он стремился завоевать внимание и ласку родителей, обойдя в этом неравном соревновании младших сестёр, позже взял на себя бремя ответственности за семью, фамилию, хозяйство, но так никогда и ни в чём не превзошёл свою знаменитую

родню. А ведь среди его близких значились и мудрые князья, и славные воины, и даже выдающиеся поэты. Теперь об этом напоминали разве что их пропылённые портреты, выступающие тяжёлыми рамами вдоль парадной лестницы.

Повинуясь давно заведённым правилам, последний Зрински просыпался каждое утро ровно в семь часов. Ночной туман ещё окутывал скользкие стены замка, и предутреннее совиное уханье гложло где-то вдали, когда граф лениво потягивался, похрустывая костями, и недовольно морщился. После чего звонил в прикроватный колокольчик, вызывая к дворецкому: «Нико-о-о-ла!» — и старчески хрипя на букве «о».

По правде говоря, был ли граф таким уж старым? Доподлинно неизвестно. Однако в душе он чувствовал себя как истинный трёхсотлетний сухарь. Умываясь по утрам из фаянсового кувшина, он ворчал, что вода несвежая и пахнет скверно, полотенце убийственно жёсткое, а зубной порошок ни на что не годится.

Обыкновенно за завтраком граф почти ничего не ел, только надкусывал «чёрствый» хлеб с «протухшим» паштетом. Яйца и вовсе были исключены из меню, потому что всё было чёрт знает как не только с ними, но и с теми, кто их несёт, доставляет в замок и подаёт к столу.

После скудного завтрака граф отправлялся на прогулку — единственный обряд, поддерживавший в нём связь с окружающим миром. Оттого, вероятно, что сетовать было некому, Зрински немного успокаивался на природе, морщины на его худом лице разглаживались, и он величественно обходил свои ветхие владения.

Всё выглядело покинутым в этих местах. Обветренные каменные стены с ржавыми кольцами для упряжек давно не слышали стука лошадиных копыт, некогда аккуратно подстрижен-

ный сад так же аккуратно засох, растрескавшуюся деревянную ограду в заднем дворе оставили даже жуки короеды, а горбатая ива, уходившая корнями в пропасть над обрывом, казалось, вот-вот рухнет вниз.

Завершив прогулку, граф вновь становился мрачен и груб, запирался у себя до обеда, а к ужину мог и вовсе не явиться. И услужливому Николе в полном одиночестве приходилось подолгу дожидаться его у стола с остывающими блюдами.

* * *

Этот день выдался таким же унылым, как и все предыдущие. Погода стояла пасмурная. Как обычно обругав завтрак, граф раздражённо махнул в сторону дворецкого и отправился на свою одинокую прогулку. Из кухни Никола видел удаляющуюся фигуру с согнутыми по-стариковски плечами.

В саду было промозгло, и граф неспешно шагал, то и дело останавливаясь вдохнуть сырого воздуха, поудобней устроить в руке трость или откашляться. Он два раза обошёл разрушенный фонтан, силясь вспомнить, где тот раньше включался, постоял у ивы, зачем-то несколько раз ткнув в её скрюченный ствол тростью, пробурчал пару ругательств себе под нос возле покосившейся садовой скульптуры и повернул назад к замку, чтобы запереться наверху назло всему миру и собственному дворецкому.

Минуя бывшие замковые огороды, он остановился, намереваясь отдышаться и переложить трость в другую руку, как вдруг стариковский взгляд уловил маленькое розовое пятнышко на земле. Брезгливо щурясь, граф медленно наклонился, чтобы получше рассмотреть, что же приковало его внимание. Это была клубника. Совсем крошечная, ещё только набиравшая цвет. Почти белая у стебля, она уже округлилась и нежно розовела смотрящим в небо боком. Граф Зрински уже и не помнил, когда в последний раз видел клубнику. Он раздражённо хмыкнул:

— Хм!

И хотя клубника была прекрасна, Зрински она не понравилась. Эта красочная ягода посмела внести смуту в его пресный уклад.

— Какого лешего? — буркнул граф, разглядывая ягоду.

Затем он выпрямился и суетливо, однако с грацией сухопутной черепахи, стал озираться, нет ли поблизости ещё непрошенных плодов. Граф хотел было позвать Николу, но, не обнаружив дворецкого в окне кухни, только рассерженно хлопнул себя по карманам старого пальто, надетого поверх халата, и, негодуя, заковылял к замку. Остаток дня он провёл у себя в покоях, занимаясь бог знает чем.

* * *

На следующее утро граф проснулся чуть бодрее обычного, но день снова не задался.

— Какого рожна? — щурясь в окно, пробурчал граф Зрински, высунувшись на улицу прямо в ночном колпаке.

«Какого-то рожна» выглянуло солнце, а граф этого не приветствовал.

За завтраком граф молчал. Молчал так долго, что Никола, по обыкновению стоявший по правую руку от хозяина, вынужден был сильно косить глазом, чтобы понять, что же происходит. Старик Зрински о чём-то задумался и замер. В эту минуту он походил на каменную горгулью, покрытую крапинами и щербинами, застывшую то ли в смешной, то ли в зловещей позе. Нижняя губа повисла, обнажая неровные зубы цвета речного камня, в то время как верхняя, словно скованная глубинной мыслью хозяина, сбилась набок и, подвернувшись, застыла над клыком. Обычно острый взгляд графа заметно померк, в нём появилась усталость и как будто едва уловимая нежность. К кончику носа присох кусочек паштета. Граф так серьёзно о чём-то задумался, что ненароком съел весь завтрак. Обнаружив это, он тут же рассердился, оттолкнул тарелку и поспешил в сад, прихватив с собой зонтик, чтобы скрыться от ненавистного солнца.

Скрипнув на крыльце заржавелым механизмом, Зрински распустил зонтик и зашагал по садовой дорожке, тяжело наступая на мелкие камешки гравия, хрустевшие под его подошвами. Граф ни разу не остановился подышать, он направился напрямик к огородам. По обыкновению выругался,

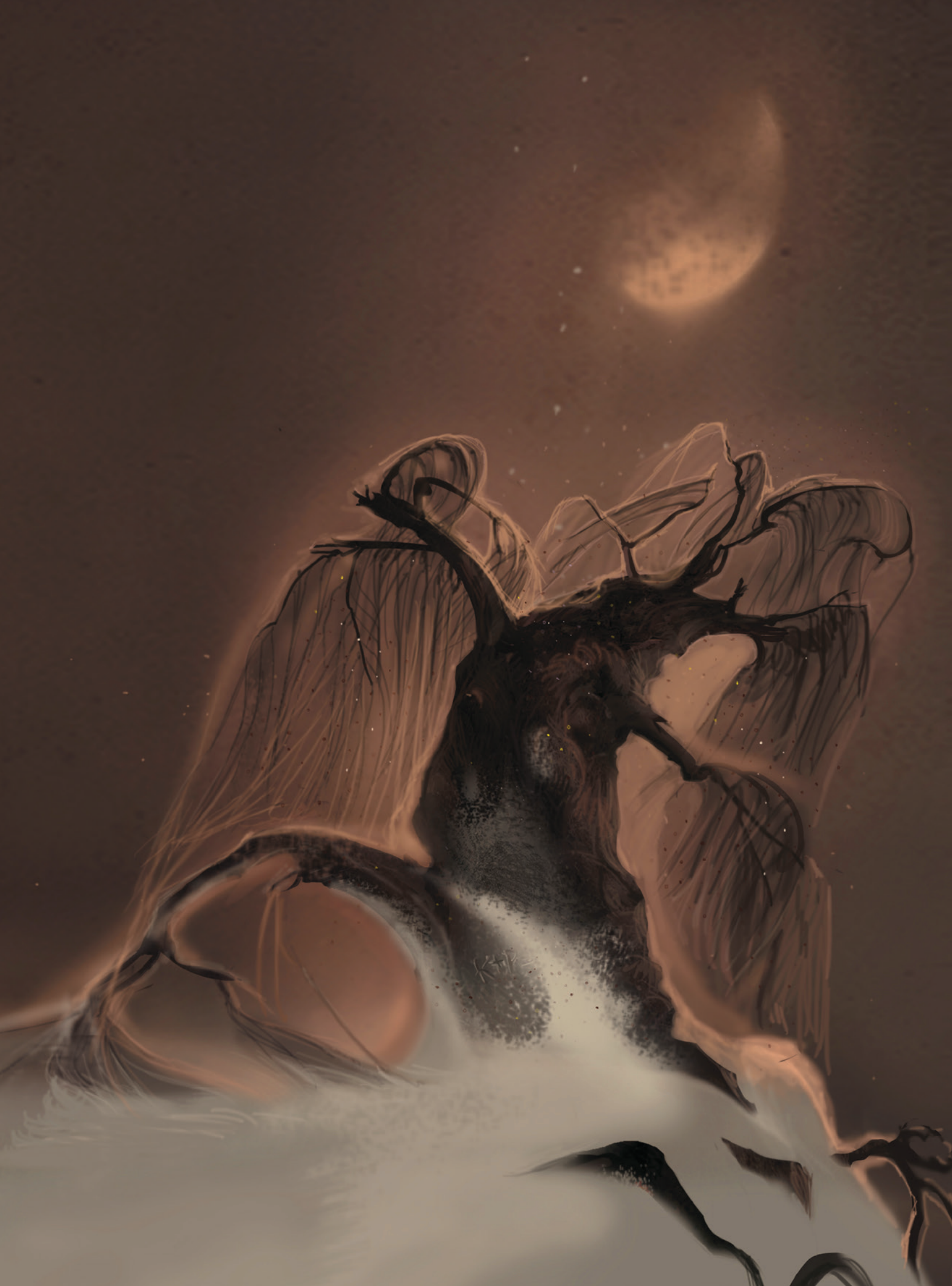
проходя мимо фонтана, и ткнул по кривому стволу старой ивы. Сломанная калитка дважды хлопнула, и граф оказался на том месте, где вчера обнаружил ягоду. Сегодня она стала ещё ярче. Вчерашняя бледность отступила под лучами утреннего солнца, а отдохнувшая земля добавила мякоти увесистость. Ягода так и притягивала взгляд. Граф обтёр пальцем её тёмно-зелёный стебель, забрызганный мокрым от дождя грунтом, осмотрел тонкие усики, кучеряво стлавшиеся по грядке, и обошёл ягоду со всех сторон, утопая подошвами в мягкой почве. Тут он заметил, как сильно перепачкался, и гневно выругался:

— Какого дьявола?

И взволнованно заспешил в сторону замка. Граф не на шутку разозлился, что из-за какой-то ерунды так извозил сапоги и даже замарал руки. На пороге он шумно сбросил обувь, швырнул на лавку зонтик и, гаркнув «Никола!», без объяснений отправился к себе.

Надо сказать, что ещё бóльшим преимуществом дворецкого, чем его терпеливость, было его умение быть благодарным. С того дня, как один из представителей знатной фамилии подобрал его на площади робко выпрашивающим монету и определил на службу в замок, он благословил судьбу и в душе гордился, что в известной мере причастен к этой славной династии, поскольку сам являлся круглым сиротой. Вот и не мог он бросить сварливого графа — это была вся его семья. Поэтому, придя на выкрик своего господина и не застав его в парадной зале, он смиренно поправил зонтик, подобрал грязные сапоги и с величием, свойственным настоящему дворецкому, отправился их чистить.

* * *

День снова выдался отвратительно солнечным. В утреннем свете дубовая кровать графа поблёскивала растрескавшейся лакировкой, всюду витали крупные пылинки, а тёмно-вишнёвый балдахин на просвет оказался изрядно проеден молью. Граф раздражённо закатил глаза.

На часах было половина девятого, и Никола уже полчаса стоял в гостиной, ожидая хозяина к завтраку. Со скуки дворецкий то пододвигал, то отодвигал тяжёлый скрипучий стул за обеденным столом в поиске идеального положения, несколько раз проверил, безупречно ли чист фужер и не остыли ли окончательно грენки. Он в сотый раз заботливо расправлял кружевную салфетку с инициалами Зрински, когда граф шумно прошагал мимо и вышел в сад, грохнув дверь.

— Это что-то новое, однако! — озадаченно произнёс дворецкий.

Граф быстро ступал по гравию в домашних туфлях, на ходу ловя полы тяжёлого халата. Со стороны могло показаться, что старый Зрински вовсе и не старик — так живо и решительно он двигался. Тучей граф навис над клубникой. Она налилась цветом и заметно подросла, изогнув свой изящный стебель будто монограмма. Красным бочком ягода теперь почти касалась земли, другим пока слегка зеленела. Граф ощерился. То ли от солнца, то ли так выглядела улыбка в исполнении Зрински. Он оставался в огороде ещё минут десять, а потом вернулся в замок так же быстро, как ушёл оттуда. Снова пронёсся мимо дворецкого, бросив:

— Завтракать буду в библиотеке!

Никола решил, что ему послышалось, и ещё с минуту стоял, растерянно обдумывая реплику хозяина. Дело в том, что граф не посещал библиотеку уже лет двадцать, не считая одного случая в прошлом году. Тогда они поспорили, какое именно растение изображено на гербе древнего благородного племени, от ветви которого произошёл род Зрински. Никола уверял, что это кизил, граф же настаивал, что там барбарис. Хвала богам, изображение герба располагалось на экслибрисах многих